

Жаплова Т.М., Крайнова А.Г.
Оренбургский государственный университет
E-mail: tmzhaplova@mail.ru

ИРОНИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИДИЛЛИЧЕСКИХ МОТИВОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА

Многозначное понятие иронии в европейской и русской культуре всегда представляло собой широкое поле для философских, психологических, литературных толкований, авторских интерпретаций неоднозначных и спорных явлений окружающей действительности, построенных на связи конфликтов реальности и элементов романтического мышления, сохранившихся в сознании человека. Рассматривая функциональную специфику иронии, реализуемую в художественном тексте, а также ее задачи и значение оказываемого на читателя воздействия, исследователи определяли их роль для реализации иронического подхода, которыми пользовались русские писатели, представители различных литературных направлений. Авторы статьи обратились к анализу произведений эстетического вдохновителя сентиментализма конца XVIII – начала XIX в. Н.М. Карамзина и представителя реализма второй половины XIX в. И.С. Тургенева. Выявленная авторами параллель позволила установить факт пародийно-иронического переосмысления И.С. Тургеневым сложившегося у Н.М. Карамзина и «карамзинистов» идиллического канона в освещении усадебной жизни.

В статье на материале пьес И.С. Тургенева «Завтрак у предводителя» и «Месяц в деревне», посвященных социально-нравственным и имущественным проблемам дворянского круга, рассматриваются проблемы ценностного разделения в позициях героев, дискредитации романтических идеалов, демократизации настроений молодого поколения. На основе иронического подтекста, привнесенного И.С. Тургеневым в романы «Дым» и «Отцы и дети», авторы замечают сопряжение романтической иронии и иронического отношения писателя к действительности. Данный аспект анализа позволяет выявить основной конфликт между противоположностями социальной действительности и идиллической картиной недостижимой семейно-бытовой устроенности, эмоционально сниженный И.С. Тургеневым возможностями иронии и пародии, режиссуры – сатиры и юмора.

В ходе анализа были определены черты идейной и художественной преемственности между Н.М. Карамзиным и И.С. Тургеневым, связанной с определенной близостью их мировоззрения и отдельных сторон творчества.

Ключевые слова: ирония, пародия, дихотомия мира, конфликт, бидермайер, смех, драматургия, пьеса, Н.М. Карамзин, И.С. Тургенев.

Современное литературоведение рассматривает иронию в русской литературе с позиции понимания русскими писателями немецких философских идей. Начало XIX века в русской и европейской литературе ознаменовалось наступлением эпохи романтизма, что было обусловлено социально-политическими, философскими, литературными событиями и явлениями. В Европе такими событиями стали революции во Франции 1793–1848 годов, наполеоновские войны, научные открытия Ф.В. Шеллинга и К.Г. Фихте, творчество И.В. Гете, Э.Т. Гофмана, в России – восстание декабристов 1825 года, творчество В.А. Жуковского. Приобретая теоретическое обоснование в немецкой философии, ирония осмыслялась в качестве знака дистанции между несовершенством и неполнотой объективированного мира, объединяющего серьезное и смешное, трагическое и комическое, поэзию и прозу, гениальность и критику. Ирония стано-

вится объектом самопонимания, актом рефлексии [7, с. 127].

Согласно идеям немецкой философии, один из полюсов сохранял в человеке божественную «искру жизни» [13, с. 28], другой выражал выявленные Шеллингом праматерию, тяжесть первоначального акта грехопадения и присутствующую в сущности человека устремленность к Ночи, которая персонифицировала бесконечность. По замечанию Ю.В. Манна, ирония явилась основным направлением развития русской литературы, она «разрушала сущность романтического конфликта» [10, с. 92] в связи с проникновением в него неромантических элементов. Сознание человека начала XIX века в России предстало разрушающим, предметом разрушения выступили священные ценности: любовь, дружба, познание. Мифологически обоснованная инфернальная дихотомия мира указывала, насколько сильна в человеке устремленность к темной основе.

Русская литература чутко отзывалась на происходящие изменения. Первую половину XIX века в России характеризовал интерес к немецкой философии, приобщение к которой, по свидетельству В.Г. Белинского, означало «быть современным»: русское творческое сознание было увлечено идеями немецкого трансцендентализма и натурфилософии. По замечанию М.М. Бахтина, ирония выступала «распространенной формой редуцированного смеха в Новое время (особенно начиная с романтизма)» [3, с. 134]. Ее явление было исторически связано с распадом древнего социума и потерей «живых связей литературы с народной площадной культурой», с всенародным и карнавальным смехом: «веселый, ликующий и насмешливый, он отрицает и утверждает, хоронит и возрождает» [там же, с. 135], осмеивает самое сокровенное и дорогое для себя.

Г.В. Гегель определял иронию как «внутреннее разрушение, которое выражалось в подмене истинного неистинным и проявляло себя в виде возможности: «Я могу посредством мышления превратить в ничто определения нравственности, добра, права, потому что являюсь их властелином» [1, с. 28]. Категория Ничто указывала на безуспешность романтических ценностей, которые оказались ненужными, поскольку мир оказался разрушенным. В качестве средства против глумления выступал печальный смех, который слышался в пустоте.

В качестве главной оппозиции иронического мира Ю.М. Лотман выделял категории «бытия» и «небытия». Ученый отмечал, что «бытие есть исходное представление, которое выступает в различных обликах. Чаще всего бытие выступает как существование, сконцентрированное как сиюминутное пребывание в это мгновение в этой точке. На одном полюсе находится «жизни некий переизбыток», на другом – уничтожение «человеческого Я». Промежуточные звенья заполняются рядом символических образов: дремотой и сном» [9, с. 572].

Ироническое отрицание романтической культуры осуществляется в иронии в форме иронического или пародийного отношения. М.М. Бахтин писал: «Пародийное слово чрезвычайно разнообразно. Можно пародировать чужой стиль как стиль, пародировать чужую социально-типическую или индивидуально-

характерологическую манеру видеть, мыслить, говорить» [3, с. 132]. По мнению ученого, «пародийному слову аналогично ироническое и всякое двусмысленно употребленное чужое слово, ибо чужим словом пользуются для передачи враждебных устремлений» [3, с. 134], а также пороков и проблем.

Особенностью творчества И.С. Тургенева является социальная и историческая конкретность обстановки действия. Передавая атмосферу бытового общения и споров дворянских интеллигентов, писатель замечал ценностное разделение в их среде, дискредитацию романтических идеалов, остановившихся на уровне 1830-х годов, демократизацию настроений молодого поколения. Благодаря многообразию форм иронии и ироническому мировоззрению И.С. Тургенева определялась система стиливых и речевых приемов его произведений.

По наблюдению А.А. Гозенпунд, в иронических пьесах И.С. Тургенева действие выстраивалось не только на событиях, но и на «ироничном диалоге», в котором значимо слово: «Слово является мотором, который приводит в движение: слово живописует, характеризует говорящего и его окружение» [2, с. 57]. Слово «расталкивает» людей, становится причиной истинного «размежевания» в их жизненном пространстве и определяет угол иронического зренья.

Сюжет пьесы «Завтрак у предводителя» построен на попытке разрешить конфликт, возникший при размежевании земель, при этом в характерах помещиков отражены крепостное право и его вековые традиции. Персонажи отгораживаются друг от друга репликами, не желая понимать трудности ближних, что создает дополнительный иронический эффект. Конфликт пьесы определил проблематику произведения, обнажив имущественные отношения и сатирически заостренные социально-психологические проблемы.

Ирония Тургенева основывается на личных наблюдениях и жизненном опыте: во время конфликта с матерью Тургенев удивлялся алогичности поведения В.П. Тургеневой. Поскольку жертвами крепостнических привычек становились носители социального зла, за комическими алогизмами поведения помещиков, не признающих законов, стоял философско-трагический

аспект жизни, ставший законом поведения господствующего сословия. Е.В. Хализев, рассматривая общие для драматургического жанра приемы, выделяет перспекцию: «С поднятием занавеса действие не начинается, а продолжается. Когда занавес опускается, действие не заканчивается: автор дает возможность «заглянуть» в постсюжетную жизнь героев» [12, с. 45].

С процессом переосмысления романтических мотивов связано явление бидермайера. В русской литературе оно было обусловлено исторической ситуацией первой половины XIX в.: «Эра великой метафизики, устремленности в сверхреальное переживала последнее время. Европа устремлена к истории, повседневности и утилитарным ценностям, к наслаждению малым миром, семьей, домом. Великие потрясения конца XVIII – начала XIX века рождали тоску по идиллии. Титаны, герои – Фаусты, Манфреды, Наполеоны, одержимые тоской по прекрасному Крейслеры, ушли в прошлое» [5, с. 36]. Психологические импульсы героев И.С. Тургенева создаются реалистически многогранно: они ссорятся и мирятся в напряженной обстановке, при этом обоюдно желая в душе построения культивируемой им идиллии, некой абстрактной мечты. По замыслу «Завтрак у предводителя» и «Месяц в деревне» И.С. Тургенева воспроизводит иллюзию идиллического жизнеощущения, с его всеединством, равнозначностью личного и ультраличного, творческого и авторского.

В этом отношении ощутима связь с творческой позицией Н.М. Карамзина, его высокопарным отношением к собственному творчеству. В конце XVIII – начале XIX вв. такое убеждение выступало в качестве проявления свободы, расширяющей границы художественного творчества. Н.М. Карамзин был высокого мнения о своем литературном даровании и видел в себе человека, который призван реформировать русскую словесность. Отличавшие творчество карамзинистов манерность и галантность образов, принципы «приятности» и «украшения», установка на салонность и повышенная эмоциональность были переосмыслены И.С. Тургеневым в духе нового литературного направления – реализма. Идеальная и художественная преемственность между Н.М. Карамзиным и И.С. Тургеневым небезосновательно связывает-

ся с определенной близостью их мировоззрения и отдельных сторон творчества: произведения Н.М. Карамзина и И.С. Тургенева выражали психологические тенденции, присущие дворянской культуре, прежде всего, они отвечали потребностям дворянского круга.

В основе комедии «Месяц в деревне», в которой выразился круг интересовавших писателя проблем, лежит любовный четырехугольник. Это история о любви замужней дамы к учителю сына, о соперничестве с молодой воспитанницей, о несостоявшейся жизни. В пьесе отсутствуют роковые злодеи, нет непредвиденных стечений обстоятельств: внимание автора сосредоточено на психологическом движении любовного конфликта. И.С. Тургенев не судит и разоблачает своих героев, а психологически фиксирует жизненные типы. Жизнь для Михаила Ракитина – это любовь к Наталье Петровне. Герой поработен отношениями, и его смятение порождает стыд от осознания своего безволия.

Тургенев воссоздает схожие черты карамзинского героя, который демонстрирует понимание, что герой не принадлежит современности. С этой же стороны проблемы связана исполненная иронии ситуация, возникающая при абстрагировании от биографических фактов. В ироническом изображении действительности противоположности социального быта существовали одна за счет другой. Социальное зло разрушало идиллическую природу, и человеческое торжествовало над социальным, одновременно являясь зависимым от него.

И.С. Тургенев неоднократно подчеркивал, что особенно в пьесе «Месяц в деревне» его интересовал образ Натальи Петровны, в воссоздании ее психологического портрета сосредоточена сверхзадача произведения. Возможность обнаружения ироничности в характере героев Тургенев предоставляет не дидактически, а подспудно, с течением времени, что говорит о большей возможности сатирического обличения, чем только насмешка ради насмешки. Наталья Петровна язвительно характеризует рассуждения Ракитина о природе, но честь и порядочность не позволяют Ракитину волновать возлюбленную. Ракитин воздвигает препятствие на пути влияния Беляева, останавливает процесс развития чувств и отношений других персонажей. Действие принимает бурный ха-

раक्टर и приводит к разрушению связей, и следовательно, к крушению иллюзии.

Наряду с преобладанием иронии, направленной на романтизм, пьесы И.С. Тургенева отмечены юмором и саркастической иронией: его герои надевали маску романтических персонажей. Финал «Месяца в деревне» выявил, что Ракитин существует в психологическом и бытовом контексте дворянской среды (образ во многом автобиографичен) и изображен как честный, интеллигентный и страдающий человек. Мотив страдания в пьесе свидетельствует о романтическом комплексе героя, подчеркивающего свою враждебность реалистическому мироощущению. В финале Ракитин покидает дом Ислаевых, но логика его характера заставляет думать, что он вернется.

Авторская ирония Тургенева связана с выявлением парадокса поведения и чувств героев в романе «Отцы и дети», проживающих важный отрезок времени в обстановке усадебной идиллии. Таинственный предмет страсти тургеневского Павла Петровича Кирсанова – Нелли, княгиня Р., которая как истинная романтическая героиня находилась в плену таинственных и неизвестных сил, влияющих на ее поведение. Тургенев устами Аркадия, воскрешающего события двадцатилетней давности, воссоздает романтический тон, которым они могли быть описаны в романтической повести. Еще они сравнимы с описанием в стихотворении М.Ю. Лермонтова «К портрету», посвященном романтической героине эпохи, Александре Кирилловне Воронцовой-Дашковой, ставшей прототипом Нелли из «Отцов и детей»: «То истиной дышит в ней все, то все в ней притворно и ложно. Понять невозможно ее, зато не любить невозможно» [8, с. 53]. Автор в этом случае мудрее своего героя: он понимает мотивы поведения героини, но не объясняет их, а герою в их понимании отказывает.

Благодаря авторской позиции, в романе «Дым» возникает сопряжение романтической

иронии и иронического отношения писателя к действительности. Произведение появилось в период, когда в русской культуре «литературная эволюция происходила с катастрофической быстротой, старые кумиры рушились (особенно Марлинский), его «ученики меняли вехи» (Панаев, Соллогуб), такие писатели, как Тургенев лихорадочно быстро спешили освободиться от связывающих и мертвящих штампов умирающей романтики» [6, с. 124]. Писатель с тревогой подозревал, что стране грозит остаться пустым дымом в том смысле, в каком он мнился объятному горем Литвинову: «Дым, дым», – повторил он несколько раз; и все вдруг показалось ему дымом, все, собственная жизнь, русская жизнь – все людское, особенно все русское. Все дым и пар, думал он; все как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за явлениями, а в сущности все то же, да то же безустанная, тревожная и ненужная игра» [11, с. 175]. Роман сохраняет романтическую персонификацию природы, представление о триадиности мира.

Таким образом, И.С. Тургенева интересуют постоянные конфликты и проблемы, которые возникают в кругу дворян, вне их отношений с крестьянами и друг с другом, а также их поведение в стороне от «магистральных» конфликтов дворянской эпохи. Отсутствие у героев представлений о законности, укоренившиеся привычки и взгляды – эти черты, воспитанные бесконтрольно осуществляемой властью, являются источником комических ситуаций. Столкновение глубинных, подсознательных основ личности с моральными принципами, темного естества человеческих страстей с требованиями духовной культуры определяет суть внутренних конфликтов произведений писателя, что является, с нашей точки зрения, пародийно-ироническим переосмыслением идиллического канона в освещении усадебной жизни, сложившегося у Н.М. Карамзина и «карамзинистов» (М.Н. Муравьева и Ф.П. Львова).

12.01.2017

Список литературы:

1. Гегель, Г.В. Эстетика / Г.В. Гегель. – М., 1973. – Т. 4. – 183 с.
2. Гозенпуд, А.А. Тургенев-драматург / А.А. Гозенпуд // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти тт. – Соч. – Т. 12. – М., 1986. – С. 57–59.
3. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М., 1990. – С. 132–135.
4. Белинский, В.Г. Руководство к познанию теоретической и материальной философии. Сочинение Александра Петровича Татаринова / В.Г. Белинский // Собр. соч.: В 9 т. – М., 1981. – Т. 7. – 511 с.

5. Берковский, Н.Я. Романтизм в Германии / Н.Я. Берковский. – Л.: Худож. лит., 1973. – 568 с.
6. Берковский, Н.Я. Статьи и лекции по зарубежной литературе / Н.Я. Берковский. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 480 с.
7. Зинченко, Н.С. Ирония как многоаспектный феномен: методологические основы анализа художественного дискурса / Н.С. Зинченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – №3. – Ч. 1. – С. 126–130.
8. Лермонтов, Ю.М. К портрету / М.Ю. Лермонтов // Собр. соч.: В 4 т. – М., 1957. – Т. 1. – С. 53–54.
9. Лотман, Ю.М. Поэтический мир Тютчева / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – С. 565–594.
10. Манн, Ю.В. Поэтика Гоголя / Ю.В. Манн. – М., 1988. – С. 80–120.
11. Тургенев, И.С. Дым / И.С. Тургенев // Собр. соч.: в 12 т. – М.: Худож. лит., 1954. – Т. 4. – С. 7–190.
12. Хализев, В.Е. Драма как род литературы / В.Е. Хализев. – М., 1986. – С. 43–46.
13. Шеллинг, Ф.В. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах / Ф.В. Шеллинг. – М.: Мысль, 1987. – С. 135.

Сведения об авторах:

Жаплова Татьяна Михайловна, доцент кафедры связей с общественностью и журналистики
Оренбургского государственного университета, доктор филологических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, e-mail: tmzhaplova@mail.ru

Крайнова Алина Геннадьевна, аспирант факультета филологии и журналистики
Оренбургского государственного университета
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13